

Мстоян Гоар Амидовна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация
goar.mstoyan@mail.ru

**Трансформация этнокультурной идентичности иммигрантов в РФ:
социологический подход**

Аннотация. Статья затрагивает особенности трансформации этнического самосознания и менталитета иммигранта. На основании проведенных социологических опросов, автор приходит к выводу об изменении этнокультурных установок мигрантов, в том числе отношения к образу Родины, в результате длительного проживания в иной социокультурной среде. Экспериментальные данные показывают, что указанные процессы эволюции этнокультурной идентичности характерны для мигрантов второго поколения, однако они не затрагивают ядра этнической культуры диаспоры, сохраняющей образ Родины и передающей его как духовную ценность этнической группы.

Ключевые слова: трансформация; этнокультурная идентичность; образ Родины; иммигрант

Mstoyan Goar Amidovna
Derzavin Tambov State University,
Tambov, Russian Federation
goar.mstoyan@mail.ru

**Transformation of ethnocultural identity of immigrants in the Russian
Federation: a sicological approach**

Abstract. This article is devoted on the features of the transformation of ethnic identity and the immigrant mentality. Based on the conducted sociological surveys, the author comes to the conclusion about a change in the ethnocultural attitudes of migrants, including attitudes towards the image of the Motherland as a result of prolonged residence in a different sociocultural environment. Experimental data show that these processes of evolution ethnocultural identity are characteristic of second-generation migrants but they do not affect the core of the ethnic culture of the diaspora preserving the image of the Motherland and transmitting it as the spiritual value of an ethnic group.

Keywords: transformation; ethnocultural identity; the image of the Motherland; immigrants

Миграционные процессы в современном нам обществе весьма распространенное явление. Определенная часть людей постоянно меняет место своего жительства как внутри одной страны, так и на международной арене. В ряде случаев эмиграция может иметь вынужденный характер, как например, в случае неблагоприятных экономических и политических условий существования. Состав эмигрантов разнообразен: это могут быть ученые, предприниматели, представители оппозиции или

же люди у которых кочевой образ жизни. Все они в результате своих перемещений в иную среду обитания подвержены определенным трансформациям.

Большой вклад в изучение миграционных процессов, межэтнической отношений мигрантов, социокультурной адаптации иммигрантов внесли современные российские социологи М. К. Горшков, Е. А. Назарова, И. М. Кузнецов, В. А. Волох, Л. М. Дробижева, И. В. Ивахнюк, А. Л. Маршак, В. И. Мукомель, С. В. Рязанцев и другие.

По мнению тамбовского социолога С. В. Гузениной, этническая идентичность есть итог оформления этнического сознания, которое, в свою очередь, определяется как способ осознания тождественности, что формализовано в менталитете и коллективных представлениях об образе Родины [Гузенина, 2019: 34]. Главная функция национальной культуры, при этом, заключается в культивировании памяти этноса, преемственности образа Родины как атрибута коллективного сознания, так как ослабление памяти об образе Родины приводит к рассеиванию атрибутов этнической идентичности. Социолог указывает, что без образа Родины этническая культура умирает, поскольку теряется способность этнической группы к самосознанию [Гузенина, 2019: 34]. С. В. Гузенина представляет модель формирования образа Родины так (Рисунок1):

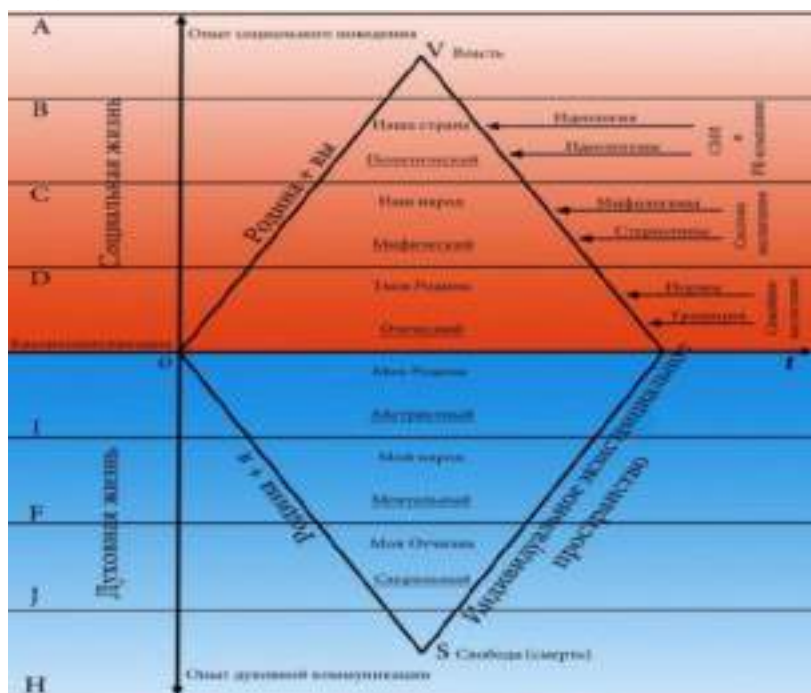

Рисунок 1. Концептуальная модель формирования образа Родины [Гузенина, 2019: 40]

Этническая идентичность в диаспоре во многом зависит от сохранности образа Родины в коллективном сознании группы. Разумеется, в случае переселения, этнические мигранты могут ощущать кризис идентичности, что может привлечь за собой процесс трансформации образа Родины. В случае отсутствия взаимодействия со

своей этнической группой и забвения родной этнокультуры, представления о Родине и её значимость могут сместиться или вовсе измениться, в случае культурной ассимиляции *обретение гибридной диаспоральной идентичности* и далее как результат – обретения новой Родины, а вместе с ней новой этнокультурной идентичности.

Находясь на чужбине, иммигранту приходится столкнуться с рядом проблем, одно из которых связано с *инкультурацией* – освоением новых норм общественной жизни и культуры. *Данный термин был введен культурантропологом М. Херсковиц [Кравченко, 2003]*, он разделял понятия социализации и инкультурации, под первым он понимает включение индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей. А в процессе инкультурации, по его мнению, индивид осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур.

Процессы инкультурации и социализации могут быть объединены в такой сложный механизм как культурная трансмиссия. Благодаря этому процессу этническая группа способна передавать всю свою специфику по наследству своим детям или же новым членам. Обычно выделяются три вида трансмиссии [Стефаненко, 1999]: *вертикальная трансмиссия* – процесс, при котором культурные ценности, умения, верования и т.п. передаются от родителей к детям; *горизонтальная трансмиссия* – протекает благодаря обмену социального опыта и традиции в общении со сверстниками; *«непрямая» трансмиссия* – происходит опосредовано через специальные институты социализации как школа, университет и т.д., а также благодаря ближайшему окружению помимо родителей.

Включение в новые социокультурные условия проходит через этап адаптации, при котором иммигрант должен освоиться, принять иной образ жизни. Далее протекает процесс идентификации себя с определенным собственным «я». Заключительным этапом выступает интегрирование мигранта в то или иное сообщество. Итак, индивид в процессе приспособления к новым культурным реалиям проходит три ступени, порядок которых выстраивается следующим образом: *адаптация-идентификация-интеграция*. Такой позиции придерживаются социологи С. В. Гузенина и А. Л. Маршак [Гузенина, Маршак, 2019]. Также, по мнению тамбовского исследователя Гузениной С. В. процесс адаптации во многом зависит от внутренних (индивидуальных характеристик: мотивации, ожидания, опыта) и внешних (частоты и характера взаимосвязи с соотечественниками, индекса культурной дистанции) факторов [Гузенина, 2010].

Советский ученый З. И. Левин [Левин, 2001] выделяет пять этапов адаптации, которые переживает индивид, находясь в иммиграции (Табл. 1). По его мнению, индивид в стране проживания перестанет ощущать себя «чужим» только тогда, когда сократится культурная дистанция между ним и принимающим обществом.

Таблица 1. Этапы личностной адаптации переселенцев

Этап	Типичные характеристики этапа	Уровень самооценки психологического комфорта личности
1	Энтузиазм, надежды, приподнятое настроение	Хороший
2	Обострение чувства непонимания с местными жителями, разочарование, замешательство, депрессия, стремление найти «своих»	Хуже
3	Критический период: серьезные болезни и чувство беспомощности, «выход» из среды, переезд в другую страну, уход из жизни	Плохой
4	Преодоление культурных различий, социальная поддержка окружения, изучение языка, оптимизм, уверенность, глубокое знакомство с местной культурой	Лучше
5	Долгосрочная адаптация. Относительно стабильные изменения индивида в ответ на требования среды	Хороший

Истоками этнического самосознания могут являться национальные мифы, мифологизированная история и представления о национальной исключительности. К примеру, сплоченность армянской общины объясняется памятью о прошлом, о древней армянской цивилизации, о геноциде 1915 года, мечтой о репатриации рассеянного по всему свету армянского народа [Левин, 2001: 145].

Особую важность представляет историческая память как этноконсолидирующий признак. С точки зрения ученого В. С. Полянского историческая память как социологическая категория имеет ряд признаков (критериев), выявление которых позволяет раскрыть её содержание [Полянский, 1999: 17]:

– Во-первых, историческая память не является статичной, имея динамичный характер, она непрерывно развивается;

– Во-вторых, она селективна и во многом зависит от социальных и личностных причин. Актуальности придается далеко не все, а лишь та часть истории, которая находит эмоциональный отклик, подкрепленный сегодняшними повестками дня;

– В-третьих, историческая память в ходе преемственности модифицируются. Ценности, которые были созданы предыдущими поколениями, воспринимаются последующими уже в преобразованном виде. Это связано с быстрыми темпами развития времени, в ходе которого достижения предыдущего поколения не могут в полной мере удовлетворить потребности последующего;

– В-четвертых, персонифицированность исторического прошлого. В памяти людей чаще всего отображаются образы политических деятелей, полководцев, харизматических исторических лидеров, нежели события конкретного характера. Они запоминаются легче, так как их деятельность оказывает на человека эмоциональное воздействие.

– В-пятых, по мнению петербургского социолога З. В. Сикевиц [Сикевиц, 2016], исторической памяти, как и в целом, общественному сознанию, присущи парадоксы. В период советского правления была сложена традиция доброжелательного

взаимоотношения между этнические группы. Соблюдать это было обязательно на территории всей страны, так как этому способствовала политика государства, которая была направлена на стабилизацию общественного порядка путем укрепления дружбы народов. Однако, в период развала СССР и к концу 90-х гг., в связи с упадком материального достатка большей части населения, ухудшились и нравственные ценности общества. Результатом этого стало отсутствие терпимости, враждебность и озлобленность по отношению к другим. Пережитый негативный опыт безвольно проецируется и на историческую память.

Однако общее историческое прошлое не всегда является консолидирующей в структуре этнической идентичности. В частности, по данным, полученным в ходе Всероссийского мониторингового опроса Института социологии РАН за 2015–2017 гг., говорят о том, что преобладающее большинство русских в России объединяет именно государство (66 %), потом территория (54 %) и лишь в 47 % случаев – историческое прошлое. По мнению социолога Дробижевой Л. М. [Дробижева, 2018: 12] этот факт объясняется тем, что российская самоидентификация основывается, прежде всего, на территориальной общности, она является «страновой». Историческое прошлое их заботит в меньшей мере, так как люди в большинстве своем живут настоящим, особенно молодежь. Согласно исследованиям проводимыми социологом Дробижевой Л. М. [Дробижева, 2018: 19] в последнее время российская идентичность формируется за счет сравнения «мы-они» в отрицательном отношении к Украине, США и Евросоюзу. Однако для поддержания позитивного содержания идентичности необходимы усилия со стороны государства и гражданского общества. Спортивные достижения, вызывающие эмоциональный отклик среди россиян, не могут в полной мере создать положительное направление идентичности.

Иная точка зрения у исследователя Мухлынкиной Ю. В. [Мухлынкина, 2015: 28], которая считает, что на формирование и состояние этнической идентичности наибольшее влияние оказывают:

1. серьезные изменения в межэтнических отношениях, вызванные кардинальными изменениями в социально-политической, экономической, духовной сферах;
2. гомогенность или гетерогенность этнического окружения.

Первая группа факторов, по мнению культуролога Мухлынкиной [Мухлынкина, 2015], возникают в результате важных событий в социально-политической сфере, которые во многом способствует подъему этнической идентичности целого народа. Примером этого служит распад СССР, после чего увеличился рост этнической идентичности титульных народов и, как следствие, привело к возникновению ксенофобии государственного типа и различных форм этнократии.

Вторая же группа факторов показывает зависимость этнической идентичности от того живут ли люди в полиэтнической или моноэтнической среде. Надо отметить, что моноэтнической среды практически нет. Индивиду приходится развиваться в

основном, находясь полиэтническом окружении. В связи с чем, формирования этнической идентичности происходит раньше, так как индивид осознает свое отличие от других этнических групп. В случае отсутствия у человека межэтнические отношения заинтересованность в собственной этничности может и не возникнуть. Тем не менее, процесс становления этнической идентичности в этом случае будет производиться намного легче и без явных затруднений и отклонений. Итак, в полиэтнической среде у индивида намного раньше складывается осознание своей этнической принадлежности, так как знания о других этнических группах могут позволить ему четко разграничить «своих» и «чужих».

Следует отметить, что в ходе миграции этническое сознание претерпевает ряд изменений. Исследованием данных трансформации занимался советский историк и востоковед Левин З. И. В своей работе «Менталитет диаспоры» ученый охарактеризовал три поколения мигрантов [Левин, 2001: 107]. *Первое поколение – поколение аккультурации*, которому приходится пройти тернистый, болезненный путь адаптации и трансформации традиционного сознания и социальности.

Аккультурация – это процесс преодоления эмигрантом его осознанного или неосознанного сопротивления переменам в попытке защитить свое этнокультурное своеобразие. По мнению исследователя, первое поколение, будучи носителем менталитета, в котором этническое самосознание превалирует, не может ассимилироваться в иной культурной среде.

Второе же поколение – поколение маргиналов, дети первого поколения мигрантов, рожденные в принимающей стране, либо привезенные туда в младенчестве. В отличие от своих родителей, они занимают двойственное положение в обществе. Они находятся под воздействием как инокультурного окружения, так и этнокультурной родительской среды, в связи с чем и испытывают проблемы с самоидентификацией. Левин З. И. выделяет три категории таких «маргиналов» [Левин, 2001: 125]:

1. «домашние дети» – выбирают в приоритет культуру родительского дома;
2. «амбиваленты» – им близки родительская культура и культура страны проживания;
3. «бунтари» – стремятся освободиться от родительской культуры и стать как коренные жители страны проживания.

Третье поколение – в преддверии ассимиляции. В основном это дети второго поколения, которые были рождены в иммиграции, они ассимилируются, либо стоят на пороге ассимиляции. Связь с диаспорой они не поддерживают, зачастую не говорят на родном языке. Из этнокультурной специфики у них сохраняется их внешность и имя.

Необходимо отметить, что трансляции родной этнокультуры иммигрантов, в условиях инокультурной среды, формирования собственной этнической идентичности в новой среде обитания во многом происходит благодаря диаспоре и её помощи в адаптационных процессах. Оказываясь в новых реалиях пребывания, мигранты

пребывают в маргинальном положении, чаще всего в стрессовых ситуациях. Их положение в новом обществе нестабильное, поэтому диаспора, являясь «частичкой родины» в инокультурной среде, помогает им приспособиться в новом ареале обитания.

Авторский экспертный опрос «Трансформация образа Родины этнофора» (на примере армянской диаспоры) был проведен в марте 2020 года. В опросе приняли участие информанты (представители интеллигенции, работники миграционных служб, преподаватели, лидеры диаспоры и т.д.), заведомо компетентные в проблеме и имеющие отношение к формированию, сохранению, трансляции образа Родины, N=6 (это духовные лидеры армянской диаспоры, благодаря которым формируется армянское информационное поле). Анализ экспертных мнений об образе Родины раскрывает особенности их представлений об Армении, что существенно и для восприятия этого образа со стороны диаспоры.

Обобщенные данные, полученные в результате анализа, позволяют вполне уверенно говорить о том, что для всех экспертов Армения является Родиной, однако 2 респондента вместе с тем, считают и Россию своей второй Родиной, так как проживают на её территории более 10 лет. По мнению экспертов, Армения – историческая Родина, а Россия – приобретенная, поскольку российская культура им понятна, но не совсем близка.

Опрошенные эксперты описывали свои эмоции по отношению к Родине по-разному. Большинство (5) из них отметили, что испытывают переживание, тоску и беспокойство за свою страну. При упоминании Армении первая ассоциация для 4 экспертов – летнее и безмятежное время года, Россия же у них ассоциируется с зимой и снегом. Для всех опрошенных Армения – это родители, близкие люди, детство, картины родной природы, горы, реки и наконец, культурная традиция близкая по духу. Большая часть (4) экспертов не согласилась с тем, что люди могут обрести новую Родину, это как «выдавать желаемое за действительное», они полагают, как и положено лидерам диаспоры, что Родина должна быть одна. Тем не менее, два эксперта отметили, что хоть это и сложный процесс, но все-таки возможный. Родину можно обрести и новую, если там находится твоя семья.

Отношение экспертов к Армении выражено в их готовности защищать родину в случае вооруженного конфликта, а также, в том, что образ Родины и культуру своего народа необходимо передавать своим детям, такое мнение высказали все эксперты (6).

Эксперты подчеркнули немаловажную роль армянской диаспоры в условиях инокультурной среды, поскольку она поддерживает этническую самобытность армян и противодействует ассимиляции, ведь преемственность культуры – одна из основополагающих функции диаспоры, она усиливает связь этнофора с Родиной, не дает полностью забыть родной язык, обычаи и традиции, передавая их последующим поколениям.

При ассоциативном опросе о кинофильмах, ассоциации экспертов относительно Армении и России весьма специфичные, однако у всех имеется один общий знаменатель: выбранные кинофильмы все «родом из СССР», что свидетельствует об исторической общности наших стран. Эксперты были едины в жанровом характере фильмов, – историко-биографические или же комедии. Наиболее популярные варианты ответа при упоминании Армении и России стали кинофильмы: «Мы и наши горы», «Братья Сарояны», «Афоня», «Москва слезам не верит», «Мхитар Спарпет», «Петр Первый».

Таким образом, опрос показал, что у лидеров диаспоры наблюдаются лишь незначительные изменения в структуре и значимости образа Родины. Следует подчеркнуть, что эксперты являются представителями интеллигенции, они играют огромную роль в генезисе образа Родины, осуществляют особого рода задачу по сохранности, трансляции и передачи образа Родины последующим поколениям. Они являются проводниками культурной памяти этнической общности, которая характеризует её как значимую самобытную группу [Гузенина, 2019: 34].

Совершенно иные данные были получены в ходе авторского эмпирического социологического исследования «Трансформация образа Родины армянской диаспоры» методом анкетирования с 30 января 2020 года по 7 марта 2020 года, в котором приняли участие представители второго поколения мигрантов – молодежь в возрасте от 18–25 лет. Выборочная совокупность составила 130 респондентов, выборка квотная, по полу, возрасту, этнической принадлежности (респондент самоидентифицирует себя с «армянином»/ «армянкой»). По результатам авторского опроса были сделаны следующие выводы относительно тематики нашего исследования:

1. образ родины для членов армянской диаспоры, связан с картинами родной природы, родным городом, деревней, с культурными традициями, а также детством и родителями;

2. проживая в инокультурной среде, армяне успешной балансируют в условиях культурной раздвоенности, проживая в российском обществе и при этом сохраняя собственные межэтнические контакты;

3. восприятие России и российской культуры большинством членов армянской диаспоры – положительное. Российская этнокультурная специфика не является чем-то чуждым для армян, так как большинство из них проживает на её территории практически всю свою жизнь, *для большинства из них она является второй Родиной;*

4. авторское эмпирическое социологическое исследование показало, что у проживающих в инокультурной среде представителей второго-третьего поколения армян наблюдается: либо гибридная этноидентичность, либо квазиидентичность; значительная трансформация образа Родины, о которой помнят, однако в случае

опасности члены диаспоры в большинстве не готовы отдать жизнь за родину, не поедут умирать на родину, не хотели бы, чтобы их дети жили на исторической родине;

5. этнокультурная специфика армянской диаспоры в инокультурной среде сохраняется на уровне коллективной памяти, являющейся *стержнем самосознания диаспоры*.

Необходимо подчеркнуть, что сложившаяся структура этнической идентичности не является чем-то непоколебимым, поскольку этническая идентичность подвижна и подвержена внешним воздействиям. В процессе постоянного «движения» *мигрант, попадая в иную социокультурную среду обитания, необратимо будет подвержен определенным трансформациям*. Внешние социальные обстоятельства могут способствовать переосмыслению этнической принадлежности, а также приводить к её изменениям.

Библиографический список

Гузенина С. В. Специфика адаптации на чужбине: опыт междисциплинарного анализа // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. Выпуск 4(84). С.202–206.

Гузенина С. В. Этнокультурные основы образа Родины в теории и практике социального поведения: автореферат дис. . доктора Социологических наук: 22.00.06. – М.: 2019. 58 с.

Гузенина С. В., Маршак А. Л. Трансформация понятия «родина» в процессе социокультурной адаптации иммигрантов // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. Научный журнал. Москва, 2019. № 1. С. 58–64.

Дробижева Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3(15). С. 6–21.

Кравченко А. И. Культурология Учебное пособие для вузов – 4-е изд. – М. Академический Проект, Трикста, 2003. 496 с.

Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: Институт востоковедения РАН; Изд. «Крафт+», 2001. 176 с.

Мухлынкина Ю. В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестник МГТУ ГА. 2015. № 215 (5). С. 27–33.

Полянский В. С. Историческая память в этническом самосознании народов [Электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/289/137/1231/002_Polyanskij.pdf (дата обращения: 07.04.20).

Сикевич З. В. Парадоксы исторических представлений петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология (4), 2016. С. 142–153 [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета: [веб-сайт]. URL: <https://sociologyjournal.spbu.ru/article/view/1311> (дата обращения: 07.04.2020).

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология [Электронный ресурс] // Библиотека: [веб-сайт]. URL: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371205.shtml#book_page_top (дата обращения: 03.04.2020).

Bennett M. J. Becoming interculturally competent. The Intercultural Development Research Institute. 2004. P. 1–13.